

для того, чтобы убедить в правоте своей линии неопределившихся избирателей. Многие избиратели в принципе были согласны одобрить сецессионистский проект, но только при определенных условиях. Они хотели получить гарантию, что независимость не нанесет ущерба экономике страны, и, что важное уточнение «в Европе» сделает нахождение нового независимого государства в многонациональном сообществе политически «комфортабельным» и безопасным с военной точки зрения. Социологические опросы, регулярно проводимые в Шотландии и Уэльсе, выявили явную тенденцию. Опросные листы обычно содержат несколько предложенных вариантов независимости для кельтских наций Великобритании, и в большинстве случаев результаты опросов свидетельствуют о том, что сторонников независимости Шотландии и Уэльса в составе ЕС намного больше (соответственно 17,3% и 8,2%), чем тех, кто выступает за суверенитет вне рамок Сообщества (10,8% и 2,8%).

Во-вторых, стало очевидно, что европейские интеграционные процессы не угрожали языкам и культурам «наций без государства». Кроме того, передача полномочий государствам-членам ЕС национальным органам и официальное признание субсидиарности в отношении субнациональных органов, повысило политический статус последних. Осознав преимущества складывающейся конъюнктуры, большинство вчерашних противников единой Европы перешло в категорию «еврореалистов», сохранив тем не менее определенные претензии к политике ЕС (ГНБ, ШНП, ФБ). В конце 1990-х этот список пополнился ЛС, которая пересмотрела свою первоначальную еврофильскую доктрину об архаизме централизованного государства, как причине всех экономических бед богатых регионов. ЕС, унаследовавшая еврофильство БНП, ПК, пересмотревшая свою антиевропейскую позицию 60–80-х годов, и Фольксюни составили трио «еврооптимистов».

Тем не менее, две из десяти изучаемых партий, остались рьяными противниками членства своих стран в ЕС. Крайне левые – Батасуна и ШФ, в лучших традициях марксизма-ленинизма обвиняли ЕС в его капиталистической эксплуататорской натуре. Ирландские республиканцы полагали, в частности, что членство Эйре в ЕС укрепило ее зависимость от британского капитала и содействовало эрозии ирландского суверенитета, так как 50% товарооборота Эйре приходится на Великобританию. Ирландские республиканцы восприняли ЕС как новую форму коллективного империализма, которая зиждется на общности интересов ирландского правящего класса со своими британскими и иными коллегами по ЕС и направлена против стран третьего мира. Они относились к его институтам так же враждебно, как к ВТО, Всемирному Банку, НАФТА. Кроме того, по мнению подобных «евроскептиков» взаимозависимость государств-членов Союза растворяет национальные идентичности и культуры. Их идеал – это мифическая Европа, народы которой объединены в братское сообщество без торговцев и технократов.

МЕХАНИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Хухлындина Л.М., Белорусский государственный университет

В 70-е годы наряду с первым расширением Сообществ начали формироваться элементы механизма взаимных консультаций и обмена мнениями по вопросам внешней политики. Сложившийся на практике в рамках Европейских сообществ такой механизм получил название «Европейское политическое сотрудничество».

Впервые идея придания Европейскому сообществу политической направленности прозвучала из уст французского президента Ж. Помпиду на встрече в верхах в Гааге, состоявшейся в декабре 1969 года. По мнению ряда исследователей, опасение конкуренции между «особыми отношениями» с СССР со стороны Франции и германской «Остполитик» стимулировали параллельное инициирование французами ЕПС в рамках ЕЭС.

В соответствии с решениями саммита была создана специальная группа экспертов, которую возглавил директор политического департамента министерства иностранных дел Бельгии Этьен Давиньон. Этой группой был подготовлен в октябре 1970 г. специальный доклад. В нем предлагалось первоначально начать сотрудничество в области внешней политики.

В ноябре 1970 г. таким образом был создан и приведен в действие механизм, получивший название *Европейского политического сотрудничества* (ЕПС). Он предусматривал несколько уровней взаимодействия государств-членов: встречи министров иностранных дел государств-участников два раза в год; ежеквартальные встречи директоров политических департаментов. Представители Комиссии привлекались лишь в тех случаях, когда в ходе обсуждения затрагивались вопросы ее деятельности. ЕПС включало в себя следующие аспекты: обмен информацией; регулярные многосторонние

консультации по вопросам международной политики; согласование единой позиции по важнейшим внешнеполитическим проблемам и, если возможно, проведение общих действий.

Таким образом, до подписания договора о Европейском Союзе координация действий государств в сфере внешней политики осуществлялась в рамках созданной в 1970 году Программы Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Цель ЕПС состояла в улучшении взаимопонимания между государствами-членами по всем важнейшим вопросам внешней политики, согласовании их точек зрения и по возможности в выработке более или менее согласованного общего подхода.

В течение 70-х гг. государства-члены Сообщества пытались предпринять конкретные шаги по развитию ЕПС.

Одним из шагов в развитии ЕПС стала декларация, принятая на заседании Европейского совета в Лондоне в октябре 1981 г.. Декларация предусматривала, что в ЕПС необходимо включить и политические аспекты безопасности. Руководители стран «девятки» согласились с необходимостью перехода от консультаций к совместным действиям. Еще одной попыткой активизировать ЕПС стало предложение, выдвинутое по инициативе министров иностранных дел Германии и Италии на заседании Европейского совета в июне 1983 г. в Штутгарте. В Торжественной декларации о Европейском Союзе главы государств и правительств заявили о своем намерении повысить эффективность Европейского политического сотрудничества. Для этого будут вырабатываться «совместные позиции», осуществляться «совместные акции», будут координироваться позиции государств-членов по политическим и экономическим аспектам безопасности.

Вместе с тем, так как все решения должны были приниматься единогласно, а дискуссии по вопросам безопасности ограничивались политическими и экономическими аспектами, осуществление ЕПС было малоэффективным.

Нельзя однозначно оценить эффективность деятельности этой системы. С одной стороны, в 1973 г. западноевропейские государства эффективно использовали ЕПС для начала арабо-европейского диалога. В его рамках была, например, выработана единая позиция государств по вопросам отношений на Ближнем Востоке: активизация торговли в регионе и, в частности, с государствами ОПЕК. В 1980 г. была принята Венецианская декларация, признававшая право палестинцев на самоуправление. Несмотря на неодобрение США и Израиля, Западная Европа заявила о необходимости самоопределения палестинского народа и вовлечения Организации освобождения Палестины в процесс переговоров. В 1982 г. механизм ЕПС позволил достаточно быстро выработать единую позицию в отношении фолклендского кризиса и применить санкции против Аргентины. Но в то же время не была выработана единая позиция относительно ввода советских войск в Афганистан.

Следует отметить, что государства часто предпринимали односторонние действия, не учитывая общих европейских интересов. Внешняя политика и политика безопасности всегда были теми областями, где государства-члены ревностно охраняли свой суверенитет. Согласование общих интересов затруднялось и тем, что только две страны – Франция и Соединенное королевство, обладают ядерным потенциалом. Кроме того, не все государства входили в оборонительные союзы. Членами НАТО не являются Ирландия, Швеция, Австрия, Финляндия. Дания, Ирландия и Греция не входили в состав ЗЕС.

Политика Европейского политического сотрудничества была расширена и усовершенствована Единым европейским актом. Система Европейского политического сотрудничества просуществовала 23 года – с 1970 по 1993 г. Принципы, которые были сформулированы в докладе Э. Давиньона и легли в основу ЕПС, практически оставались неизменными в течение всего этого периода.